

Она машинально перевернула страницу, и её взгляд задержался на имени Линцзя-ши. Выражение лица девушки стало куда серьёзнее:

— А еще есть Линцзя-ши, внучка великого наставника Лина. Род Лин славится своей честностью и преданностью. Теперь, когда их доброе имя восстановлено, а род был возвышен и переведен в Желтое знамя с каймой, негоже проявлять к ней пренебрежение. Великий наставник Лин долгие годы верно служил престолу, а его внучка сегодня на смотре показала себя благовоспитанной и сдержанной. Она вполне может стать примером для остальных девушек из Маньчжурских знамен.

Император вспомнил ту девушку на смотре: когда она опустила взгляд, отдавая поклоны, в её облике чувствовалась некая холодная отстраненность, что говорило о наличии внутреннего стержня. Он кивнул:

— Верность великого наставника Лина достойна похвалы. Пусть его внучка будет возведена в ранг гуйжэнь, пожаловать ей титул Вэнь и определить проживание во дворце Яньси.

Императрица, разумеется, не имела возражений и с улыбкой ответила:

— Ваше Величество мудры. Госпожа Вэнь знатного рода, а дворец Яньси расположен в центре. Это соответствует правилам и в то же время являет широту императорской милости. Семья Лин непременно будет благодарна за вашу щедрость.

Что касается рангов остальных девиц, то после обсуждения император и императрица утвердили их согласно списку, заранее составленному Внутренним ведомством: Шэнь Мэйчжуан получила титул гуйжэнь и была определена во дворец Сяньфу; Фуча-ши стала гуйжэнь и поселилась во дворце Чжунцуй; Боэрцзигит-ши — гуйжэнь во дворце Юнхэ; Ся Дуньчунь — чанцзай во дворце Яньси; прочие девицы низшего ранга получили титулы даин или чанцзай и были распределены по боковым залам различных дворцов.

Когда Благородная супруга Хуа получила список, Сунчжи осторожно поставила сладости на стол. Благородная супруга Хуа раскрыла книгу и тут же впилась взглядом в строчку: непостоянная госпожа Вань, Чжэнь Хуань, проживание в боковом зале дворца Чэнцян.

— Дворец Чэнцян?

Она с силой хлопнула списком по столу, так что украшения в причёске зазвенели, а лицо мгновенно помрачнело:

— Девица из Ханьского знамени едва попала во дворец и уже смеет претендовать на Чэнцян? Что это за место такое? Разве она достойна там жить?

Сунчжи в страхе не смела проронить ни слова.

Благородная супруга Хуа насмешливо фыркнула, в её глазах читалось полное презрение:

— Ступай, передай мой приказ: перевести Чжэнь Хуань в Беседку Осколков Нефрита. Это

место удаленное и тихое, пусть не мозолит мне глаза.

Евнухи из Внутреннего ведомства не осмелились перечить Благородной супруге Хуа и были вынуждены в спешном порядке за ночь изменить план распределения.

Узнав об этом, император, зная о спесивом нраве Благородной супруги Хуа, не пожелал из-за какой-то новоиспеченной чанцзай вступать с ней в спор и молчаливо согласился.

На следующий день евнухи Внутреннего ведомства, держа в руках ярко-желтые указы, отправились в дома каждой из девиц. Тонкие, высокие голоса, зачитывающие имена, разнеслись по всему Пекину.

Когда указ прибыл в дом Лин, Ань Линжун сидела у окна, глядя на пруд во дворе. Бай Чжи принесла сшитую для входа во дворец одежду — цичжуан — и не смогла скрыть волнения:

— Госпожа, прибыл императорский указ! Император пожаловал вам титул гуйжэнь и определил во дворец Яньси, а еще даровал титул Вэнь!

Ань Линжун медленно поднялась. Она знала, что всё это — не проявление особой императорской милости, а поддержка со стороны семьи Лин.

Когда она была дочерью уездного чиновника, ей приходилось выпрашивать право даже на участие в смотре. В этой жизни она внучка великого наставника Лина, и стоило ей войти во дворец, как она сразу получила высокий титул и пожалованный титул. Вот какая пропасть лежит между разными положениями в обществе.

Евнух, огласивший указ, поклонился с улыбкой:

— Поздравляю госпожу Вэнь.

Ань Линжун приняла указ, поблагодарила за милость и знаком велела Бай Чжи дать награду:

— Благодарю вас, господин евнух.

Когда евнухи удалились, в зал вошел великий наставник Лин. Его лицо светилось радостью:

— Линжун, помни: после входа во дворец будь осторожна в словах и поступках, не ищи покровительства, не вступай в группировки. Семья Лин навсегда останется твоей опорой.

— Дедушка, не волнуйтесь, я всё запомнила, — Ань Линжун отвесила земной поклон, тронутая заботой деда.

Однако жизнь во дворце Яньси не будет спокойной. Благородная супруга Хуа заносчива и властна, и как только она получит хоть немного расположения, то обязательно станет чинить препятствия. А у Чжэнь Хуань такое лицо — она неизбежно добьется благосклонности императора. В будущем во дворце будет немало тайных и явных сражений.

Три дня спустя настал день входа во дворец.

Кортеж семьи Лин был выстроен строго по правилам. Ань Линжун, облаченная в парчовое платье согласно рангу гуйжэнь, шаг за шагом взошла в карету. Занавески опустились, полностью отгородив её от шума загородной усадьбы семьи Лин.

Согласно дворцовым правилам, гуйжэнь могла взять с собой двух личных служанок. Семья Лин давно подготовила для Ань Линжун смышленную девушку из их слуг, которую назвали Цин Лань; она и Бай Чжи вместе с Ань Линжун отправились во дворец.

Карета въехала в Запретный город, проследовала через одни ворота за другими. Высокие красные стены тянулись вдоль пути, а черепица сияла на солнце.

В восточном боковом зале дворца Яньси слуги и евнухи дружно опустились на колени:

— Приветствуем госпожу Вэнь! Желаем госпоже благополучия!

Ань Линжун уселась на главное место, её взгляд медленно скользнул по присутствующим. Голос её не был громким, но в нем слышалась непререкаемая властность:

— Я не буду притеснять своих слуг, но здесь, во дворце Яньси, соблюдение правил — превыше всего. Не позволяю обманывать начальство, сеять раздор, а тем более — иметь тайные связи с другими дворцами или болтать о своих господах. Если кто нарушит правила, пусть не винит меня в бессердечии.

— Мы, слуги, смиренно принимаем наставления госпожи!

Проявив и милость, и строгость, она установила порядок и велела Цин Лань раздать награды.

Новые госпожи уже прибывали во дворец одна за другой. Цзянь Цю, старшая служанка при императрице, приводила слуг, раздающих утренние пожалования: это были первоклассная парча с золотым шитьем, шпильки из чистого золота, дворцовые пудра и румяна — всё в знак того, что императрица печется о новых госпожах.

Когда Цзянь Цю пришла с дарами во дворец Яньси, Ань Линжун неспешно подошла и велела служанке принять их.

Вскоре быстрым шагом подошел Чжоу Нинхай, главный евнух при Благородной супруге Хуа, ведя за собой мальчиков-евнухов с подносами:

— Госпожа Благородная супруга Хуа печется о новых госпожах, прибывших во дворец, и велела мне доставить дары, чтобы выразить свое внимание.

Ся Дуньчунь приняла отрез атласа от Благородной супруги Хуа, сравнила его с парчой, дарованной императрицей, и тут же скривила губы, не сдержавшись и подняв голос, полный

презрения:

— Да что толку от подарков Благородной супруги Хуа, они всё равно не идут ни в какое сравнение с подарками императрицы!

В этот момент воцарилась гробовая тишина.

Окружающие служанки побледнели от ужаса. Лицо Чжоу Нинхая помрачнело так, словно с него могла капнуть вода. Он бросил на Ся Дуньчунь ледяной взгляд, но на месте устраивать сцену не стал — лишь крепче сжал поднос, в то время как в его глазах промелькнул убийственный блеск.

На второй день, едва забрезжил рассвет, настало время идти с утренним приветствием во дворец Цзинжэнь.

Ань Линжун уже сидела перед зеркалом. Бай Чжи делала ей прическу из жемчужных нитей, а в качестве украшения выбрала шпильку из нефрита и люрита; на Ань Линжун был цичжуан цвета морской волны с едва заметным узором.

— Госпожа, чанцзай Ся с самого утра закатила скандал, жалуясь, что вещи, приготовленные Внутренним ведомством, самые обычные, и ворчала, что убранство в залах слишком простое, а еще успела вызвать и отчитать прислуживающих в дворце Яньси служанок, — прошептала Бай Чжи, и в её голосе слышалась тревога.

Ань Линжун кончиками пальцев провела по узору на рукаве:

— Оставь её. Чрезмерное хвастовство и несдержанность на язык — верный путь к беде.

Едва она закончила говорить, как раздался резкий звон украшений — Ся Дуньчунь в ярко-красном цичжуан ворвалась в зал, за ней семенили её служанки. На лице девушки читалось высокомерие.

Она скользнула взглядом по скромному наряду Ань Линжуна и лишь пренебрежительно хмыкнула. Однако, помня, что ранг гуйжэнь и знатное происхождение собеседницы выше её собственных, неохотно присела в поклоне:

— Доброе утро, госпожа Вэнь.

— Время не ждет, пора идти во дворец Цзинжэнь, не будем опаздывать, — Ань Линжун встала, даже не взглянув на нее.

Ся Дуньчунь внутри кипела от ярости, но возразить не посмела и досадуя, поплелась следом за Ань Линжуном из дворца Яньси.

Когда они прибыли во дворец Цзинжэнь, Цзянь Цю пригласила всех войти. Поскольку новые госпожи только прибыли и не знали дворцовых порядков, возникла суматоха.

Чжэнь Хуань и Шэнь Мэйчжуан в толпе невольно оказались в начале очереди, чем случайно

потеснили Ань Линжун и Фуча-ши из Маньчжурских знамен, а также гуйжэнь Боэрцигит из Монгольского знамени — порядок был полностью нарушен.

Бай Си в прошлой жизни играла в сериалах про династию Цин, и съемочная группа нанимала профессиональных учителей этикета. Она три месяца училась у них и правила заднего двора династии Цин знала наизусть.

Цзянь Цю будто не заметила нарушения правил, и Ань Линжун неспешно вышла вперед:

— Тетушка Цзянь Цю, по дворцовым правилам, первыми идут Маньчжурские и Монгольские знамена, а уже потом — Ханьские. Госпожа Вань и госпожа Шэнь недавно во дворце, возможно, еще не освоились, но если они встанут впереди госпож из Маньчжурских и Монгольских знамен, это нарушит порядок, установленный предками. Если об этом разнесутся слухи, люди скажут, что управляющие недостаточно строги и не могут блюсти даже базовые правила чести и достоинства.

Её голос звучал мягко, без намека на желание спровоцировать ссору, но каждое слово попадало в цель.

Гуйжэнь Фуча, услышав слова Ань Линжун, пришла в себя и подхватила:

— Императрица распорядилась так, словно мой род Фуча хуже, чем их роды Чжэнь и Шэнь?

Все наложницы из Маньчжурских знамен помрачнели. Это, несомненно, означало, что Чжэнь Хуань и Шэнь Мэйчжуан оказались под прицелом.

Лица Чжэнь Хуань и Шэнь Мэйчжуан мгновенно побелели, они поспешно присели в извиняющемся поклоне и в испуге отступили в строй Ханьских знамен, чувствуя стыд и неловкость.

Цзянь Цю застыла, а затем поспешно извинилась:

— Это я недосмотрела, чуть не нарушила правила. Благодарю госпожу Вэнь за напоминание.

Ань Линжун понимала, что её слова сегодня же, из уст в уста, дойдут до ушей императора.

Императрица тоже будет ею недовольна, но пока она находится во дворце, ненависть императрицы к ней — лишь вопрос времени.

Порядок был восстановлен, и все по очереди вошли в зал.

Во дворце Цзинжэнь горели свечи, убранство было роскошным, в воздухе витал аромат фруктов. Прибывшие раньше наложницы сидели по обе стороны, новые госпожи затаили дыхание — атмосфера в зале была торжественной и гнетущей.

Императрица, облаченная в желтый цичжуан с золотым узором феникса, сидела на главном месте. Её голос был мягким, но в нем чувствовалась власть:

— Раз уж вы вошли во внутренние покои, теперь вы — сестры. Впредь соблюдайте правила, живите в мире, усердно прислуживайте императору и не затевайте ссор и распрей.

— Смирненно внимаем наставлениям императрицы, — хором ответили все, склонившись в поклоне.

Едва она закончила, снаружи раздался пронзительный голос:

— Благородная супруга Хуа прибыла!

Благородная супруга Хуа, в алом атласном наряде с вышивкой гранатов, окруженная драгоценностями, с покачивающимися в причёске нефритовыми подвесками, гордой походкой вошла в зал. Она лишь небрежно отвесила полупоклон императрице, полностью не соблюдая этикет, и прямым ходом направилась к своему месту, отчего атмосфера в зале стала еще тяжелее.

Её острый взгляд скользнул по новым господам, уголки губ дернулись в насмешливой улыбке, и она тут же решила их поддеть:

— Кто из вас здесь гуйжэнь Шэнь и чанцзай Вань?

Шэнь Мэйчжуан и Чжэнь Хуань медленно вышли вперед и согласно правилам поклонились.

— Хороши собой, неудивительно, что император к вам благоволит.

Шэнь Мэйчжуан ответила:

— Благородная супруга Хуа ослепительна, нам до вас далеко.

Слухи о том, что произошло снаружи, уже дошли до ушей Благородной супруги Хуа, поэтому она не стала задавать вопрос, который звучал в прошлой жизни.

— Гуйжэнь Шэнь и чанцзай Вань, вы едва вошли во дворец, а уже не знаете правил и не отличаете старших от младших. Если бы не напоминание госпожи Вэнь, вы бы, наверное, встали впереди маньчжурок и монголоков, а в будущем не пришлось бы весь гарем переименовывать в вашу честь?

Чжэнь Хуань опустила голову, её лицо оставалось спокойным, а тон — уверенным:

— Отвечаю Благородной супруге Хуа: я полагала, что все подданные — дети императора, и нет деления на маньчжуров, монголов и ханьцев. То, что император ко всем относится одинаково, лишь подчеркивает широту его сердца.

Благородная супруга Хуа не ожидала, что Чжэнь Хуань посмеет ответить. Она дерзко вскинула бровь, вскипая от ярости, и уже собралась продолжить, но императрица вовремя вмешалась:

— Благородная супруга Хуа, ты шутишь. Все они — наложницы императора, откуда же столько различий.

Благородная супруга Хуа фыркнула и бросила на Чжэнь Хуань яростный взгляд, но, побоявшись императрицу, лишь процедила:

— Раз уж императрица к вам так добра, то в наказание лишаю вас жалованья на полгода.

Когда приветствие закончилось, императрица не пожелала никого задерживать и слегка махнула рукой:

— Время позднее, сестры, возвращайтесь в свои дворцы отдыхать. Помните о моем наказе: будьте усердны в служении императору.

— Мы уходим, — ответили все и по очереди вышли.

Гнетущая атмосфера дворца Цзинжэнь рассеялась. Выйдя наружу, все тайком перевели дух.

На дворцовой дороге новые госпожи потянулись обратно к своим дворцам.

Ань Линжун шла впереди, Ся Дуньчунь — следом, а Чжэнь Хуань и Шэнь Мэйчжуан отстали. Четверка соблюдала дистанцию, не мешая друг другу.

Когда они дошли до широкой пустой аллеи, где было мало прохожих, Ся Дуньчунь резко остановилась, развернулась и преградила путь Чжэнь Хуань и Шэнь Мэйчжуан. Руки в боки, она с наглостью кричала:

— Вы, дрянные девки! Только что у ворот дворца Цзинжэнь вы опозорили Ханьское знамя! А теперь еще смеете плестись следом за мной? Вы вообще понимаете, что такое старшинство и достоинство?!

Шэнь Мэйчжуан нахмурилась, строго ответив:

— Чанцзай Ся, правила дворца суровы, не подобает так сквернословить! Мы все — наложницы в этом дворце и должны жить в мире, к чему эта враждебность?

— Жить в мире? — Ся Дуньчунь насмешливо фыркнула и ткнула в них пальцем, перекосившись от презрения: — Вы хоть достойны этого?

Она становилась всё наглее и, взмахнув рукой, собралась дать пощечину Чжэнь Хуань:

— Сегодня я вас проучу, чтобы вы знали, что такое правила!

Чжэнь Хуань быстро среагировала, перехватила руку Ся Дуньчунь и холодно произнесла:

— Чанцзай Ся, императрица только что велела жить в мире, а вы смеете открыто нарушать её указ! Есть ли у вас в глазах хоть капля уважения к Хозяйке дворца?!

— Не надо давить на меня именем императрицы! — Ся Дуньчунь, полагаясь на влияние своего

рода, ни во что их не ставила. — Я проучу вас за то, что вы не знаете своего места, и императрица не станет меня винить!

Ань Линжун, находившаяся поодаль, видела всё происходящее.

Ся Дуньчунь боковым зрением заметила её и громко крикнула:

— Госпожа Вэнь! Идите сюда, помогите мне проучить их!

Чжэнь Хуань и Шэнь Мэйчжуан подсознательно взглянули на Ань Линжун. Они уже поняли, что гуйжэнь Линцзя-ши ни за что не ввяжется в неприятности, а уж тем более не станет подставлять себя ради них.

Ань Линжун медленно подняла глаза, безразлично скользнула взглядом по спорящим, не глядя ни на Ся Дуньчунь, ни на Чжэнь Хуань с Шэнь Мэйчжуан. Она подняла руку, чтобы помассировать виски, её походка чуть пошатнулась, изображая слабость:

— Ой, с утра разболелась голова, в дворце Цзинжэнь едва выстояла приветствие, а сейчас совсем плохо, кружится голова. Не могу здесь задерживаться, пойду во дворец, не буду мешать чанцзай Ся беседовать с госпожами.

Не взглянув на них больше ни разу, Ань Линжун развернулась, оперлась на руку Бай Чжи и медленно направилась в сторону дворца Яньси.

Ся Дуньчунь от ярости посинела, но ничего не могла поделать, и всю злость выплеснула на Чжэнь Хуань и Шэнь Мэйчжуан.

В этот момент послышался ровный стук колес — Благородная супруга Хуа в своем паланкине, в окружении стражи и служанок, медленно двигалась по аллее.

Она свысока смотрела на происходящее, в её глазах читались насмешка и холод. Голос её прозвучал резко:

— Думала, кто это тут шумит и дебоширит на дороге? Оказалось, чанцзай Ся. Какая гордость — среди бела дня посреди дворцовой дороги бить наложниц, нарушая правила!

Ся Дуньчунь, едва заведя Благородную супругу Хуа, от страха лишилась чувств, ноги её подкосились, и она рухнула на колени:

— Благородная супруга Хуа, простите! Я не хотела! Они сами не знают правил, я просто их учила! Я виновата, прошу, пощадите!

— Учила? — Благородная супруга Хуа усмехнулась, любуясь позолоченными наконечниками на своих ногтях. Тон её был безжалостным. — В гареме хоть раз ты видела, чтобы какая-то чанцзай имела право кого-то учить? Ты считаешь, что императрица и я здесь не существуем?

Она взглянула на Чжоу Нинхуа, её голос был холоден:

— Листья клена в Императорском саду в этом году недостаточно красные. Пожалуйте чанцзай Ся «Алую кровь».

Чжоу Нинхай поклонился, на его лице не дрогнул ни один мускул, и он громко провозгласил:

— За неуважение к правилам, высокомерие, сквернословие и дерзость по отношению к наложницам, чанцзай Ся приговаривается к — «Алой крови»!

— «Алая кровь»?

Ся Дуньчунь мгновенно посерела, её глаза округлились от ужаса и непонимания, она закричала:

— Благородная супруга Хуа, что такое «Алая кровь»? Я не знаю! Умоляю, проясните!

Сунчжи сделала шаг вперед и опустив глаза, холодно пояснила:

— Чанцзай Ся, «Алая кровь» — это дворцовое наказание. Берут доску толщиной в два цуня и длиной в пять чи и бьют ниже пояса, пока кости не сломаются, а плоть не превратится в месиво. Издалека это выглядит как сплошное алое пятно, потому и называется «Алая кровь». Госпожа дарует вам это наказание за то, что вы не знаете правил, не уважаете старших и распускаете язык!

— Нет! Умоляю, пощадите! Больше не буду!

Ся Дуньчунь упала на землю, её пронзительные крики эхом разнеслись по аллее. Она была в отчаянии и страхе, но никто не осмелился просить за нее.

Благородная супруга Хуа не слушала, лишь с брезгливостью бросила на нее взгляд, велела носильщикам поднимать паланкин и удалилась, не оглядываясь.

Чжоу Нинхай со стражей подошел к Ся Дуньчунь и, не обращая внимания на её вопли, потащил на экзекуцию. Крик, раздирающий душу, разнесся по всей аллее, запах крови наполнил воздух, от чего становилось жутко.

Чжэнь Хуань и Шэнь Мэйчжуан стояли, дрожа всем телом, лица их были бледны, как бумага. Они прижались друг к другу, в глазах читались ужас и страх. Они никогда не видели столь кровавого и жестокого наказания — из-за пустяковой ссоры, из-за нескольких слов — такой исход. Жестокость и холод глубины дворца впервые предстали перед ними без прикрас, повергнув в головокружение.

Чжоу Нинхай, закончив с делом Ся Дуньчунь, направился доложить обо всем Благородной супруге Хуа. Упомянув Ань Линжун, он специально добавил:

— Госпожа, та госпожа Вэнь весьма смышленная. Когда чанцзай Ся начала скандал, она сослалась на недомогание и вовремя ушла. Всё время молчала и не ввязалась в неприятности.

Благородная супруга Хуа, сидя перед зеркалом, лишь бросила:

— Умная девица, знает, чего касаться можно, а чего — нельзя.

Ань Линжун, поддерживаемая Бай Чжи, медленно вернулась во дворец Яньси, всю дорогу храня молчание.

Вернувшись в главный зал, она отослала слуг, и остались только они двое.

Бай Чжи всё ещё была потрясена, её голос дрожал, а лицо было белым:

— Госпожа, чанцзай Ся, она... вот так...

— Она сама навлекла на себя гибель, винить некого, — Ань Линжун прервала её холодным и спокойным голосом. — В этом дворце хуже всего — заносчивость и несдержанность на язык. Она при всех оскорбила Благородную супругу Хуа, так что такой конец был лишь вопросом времени.

Бай Чжи всё ещё не понимала:

— Но госпожа, почему вы во дворце Цзинжэнь при всех заговорили о порядке мест?

Ань Линжун подошла к окну, распахнула створки и посмотрела на бесконечные красные стены и дворцы. В её глазах промелькнул холодный блеск:

— Когда эти слова дойдут до ушей императора, он лишь решит, что императрица не справляется с управлением гаремом. Мне не нужно самой действовать, не нужно наживать врагов. Достаточно было одного упоминания о правилах, чтобы посеять в сердце императора семя сомнения в императрице.

Солнечный свет во дворце Янсинь падал на стол из красного дерева, заваленный свитками. В воздухе витал тонкий аромат амбры.

Су Пэйшэн, склонившись, стоял в углу зала. Дождавшись, пока император отложит свиток, он на цыпочках подошел и с почтением доложил о делах во дворце Цзинжэнь:

— Когда госпожи занимали места, порядок был нарушен: чанцзай Вань и гуйжэнь Шэнь из Ханьских знамен оказались впереди госпож из Маньчжурских и Монгольских. Госпожа Вэнь при всех напомнила тетушке Цзянь Цю, что нужно восстановить порядок согласно установлениям предков, только так удалось избежать хаоса.

— Позже, когда прибыла Благородная супруга Хуа, она задала несколько вопросов чанцзай Вань, и та ответила: «Все подданные — дети императора, нет разделения на маньчжуров и ханьцев».

Закончив, Су Пэйшэн поднял взгляд на императора. Тот молчал, не сказав ни слова, но, зная

императора много лет, Су Пэйшэн понимал, что тот уже крайне раздражен.

<http://bllate.org/book/21976/2283845>